

Время близилось к вечеру. Джо Сяньнянь купил на улице несколько безделушек и, взяв с собой Цинтуна и Синьхуа, отправился к городским воротам, чтобы встретиться с Цинчжу и Синьцзы.

Когда они были в книжной лавке Сунсюэ, Джо Сяньнянь отправил Синьцзы на рынок к Цинчжу. Он рассудил, что оба они — слуги-юноши, так что им будет проще поладить, а поскольку он сам в сопровождении двоих мужчин, то можно не опасаться, что кто-то догадается, что он на самом деле мужчина.

— Молодой господин! — Цинчжу подбежал к нему, подпрыгивая на ходу, и потянул за рукав. — Это вы прислали Синьцзы?

— Конечно, — Джо Сяньнянь похлопал его по плечу. — Пора возвращаться. Не знаю, вернулся ли уже дядя Хэ.

Если дядя Хэ еще не приехал, готовить обед придется Цинтуну. Не повредит ли это его авторитету в глазах подчиненных? В крайнем случае, пусть готовит Цинчжу, не впервой его стряпню пробовать.

На обратном пути Джо Сяньнянь сел в повозку. Цинчжу, оказывается, был куда богаче его: мало того что купил собственную повозку, так еще и позади пристроил багажную полку. В подвешенной там тканевой сумке лежала коровья голова, которую он просил. Да, именно коровья голова — сегодня вечером Джо Сяньнянь собирался полакомиться тушеной головой быка. Он уже успел заглянуть в сумку: голова оказалась на редкость крупной.

— Это мне? — Цинчжу и Цинтун сидели в передней части повозки.

Джо Сяньнянь размышлял, когда бы сходить и забрать лошадей, оставленных в усадьбе Джо. Все три лошади, что у него сейчас были, достались от тех людей в черном, и это были отличные скакуны — использовать их для повозки было преступным расточительством.

— Ну конечно. Не жадничай, ешь, в следующий раз еще куплю, — в голосе Цинтуна слышалась улыбка.

Не знаю, то ли это у самого Джо Сяньняня глаза открылись, но ему показалось, что между Цинтуном и Цинчжу что-то искрит.

— Цинтун, а сколько тебе лет?

— Кхм! — Цинтун кашлянул, и его голос заметно притих. — Тридцать один.

— На, попей воды, — это был Цинчжу.

Джо Сяньнянь и не подозревал, что Цинтуну уже за тридцать. Цинчжу всего семнадцать — разница в четырнадцать лет, он годился ему в отцы.

— Цинтун, я вот всё хотел спросить: ты женат, дети есть?

— Нет, — Цинтун посмотрел на человека рядом, который с таким аппетитом грыз мясную кость. Юношеское лицо было таким нежным, а сам он, очевидно, уже старел.

— А возлюбленная есть?

— Нет, — вспомнив, что молодой господин не позволяет наследнику заводить наложников, Цинтун решился признаться: — Я все еще девственник.

— Ха-ха-ха! — из повозки донесся громкий смех Джо Сяньняня. — Старайся, парень! Дерзай! У меня тут браки не навязывают, мы за свободу любви. Ха-ха-ха!

— Благодарю, молодой господин! — Цинтун с силой взмахнул кнутом.

— Молодой господин, а что такое свобода любви? — Цинчжу отбросил кость, чувствуя, что осилил бы еще одну.

— Это значит, что любишь, кого хочешь, и никто не имеет права вмешиваться в ваш выбор.

Синьцзы и Синьхай, ехавшие верхом по бокам повозки, переглянулись, и в их глазах читалось искреннее изумление.

Слуги были рабами, личной собственностью хозяев. Тем, кто пришелся ко двору, давали приданое и выдавали замуж или женили на управляющих, а тех, кто не угодил, могли отдать кому угодно. Бывали случаи, когда влюбленные пары просили милостивых господ позволить им быть вместе, но большинство даже не смело заикнуться об этом, опасаясь, что их разлучат или вовсе продадут.

Они не успели скрыть своего удивления, как услышали из повозки нечто совершенно неслыханное:

— Вот как женюсь на Цзинь Юньтине, последую примеру императора и объявлю амнистию — переведу всех вас в разряд свободных граждан.

Синьцзы и Синьхай беззвучно хмыкнули. Цинтун погрузился в раздумья, и только Цинчжу пришел в восторг:

— Молодой господин, вы уж постарайтесь! Мне ведь уже семнадцать. Как стану свободным, смогу выйти замуж за такого же свободного человека, и наши дети тогда тоже будут свободными.

— Ты дальновидный, однако. Сколько детей планируешь?

— Господин!

Дядя Хэ, вернувшись из другой усадьбы, привез семью Тянь — потомственных слуг, сопровождавших Джо Сяньняня еще из дома его родителей. Он поручил отцу с сыном следить за двором, а невестка со свекровью и так работали на кухне. Цинтун, этот повар-самозванец, приехал, и они стали у него на подхвате. Теперь же, когда они снова взяли кухню в свои руки, оказалось, что за два года наблюдений за работой Цинтуна они неплохо поднаторели в кулинарии, и обед вышел на славу.

Когда Джо Сяньнянь закончил есть, во дворе разожгли огромный котел. Коровью голову, с которой спилили рога, опалили, отмыли и разрубили пополам, уже опустили в кипяток. Она выглядела значительно меньше, чем казалась раньше, и Джо Сяньнянь нахмурился.

Цинтун как раз наполнял мешочки с пряностями. Рецепт маринада Джо Сяньнянь составил по памяти из тех немногих ингредиентов, что помнил из прошлой жизни. Цинтун перепробовал множество вариантов, прежде чем получилось хоть что-то похожее. Вернувшись в этот мир, Джо Сяньнянь специально записал несколько рецептов, и теперь видел, что здесь многих компонентов не хватает.

— Я ел это всего пару раз на курорте с горячими источниками, так скучал по этому вкусу, — Джо Сяньнянь понял, что не знает названий некоторых недостающих трав. Решил, что если начнет сейчас придирается, только всё испортит, и подумал: пусть будет так, главное, чтобы было вкусно, а там видно будет.

— Впредь, господин, будете есть, когда захотите и что захотите. Это и есть свобода в еде, — Цинчжу подбросил в печь пару поленьев. Эту печь господин заказал у мастера, и доставить ее на Север стоило немалых трудов. Господин хотел было оставить ее и найти новую на месте, но Цинчжу ни в какую не соглашался, и Цинтун тайком запихнул ее в багаж. А котел? За него отдали двадцать серебряных, чуть не оставили в Яоцзине.

— А ты умеешь делать выводы, — протянул Джо Сяньнянь. — Интересно, нашел ли Хэ Чуань что-нибудь вкусненькое?

— Раз уж Большой Чуань получил столько денег, точно купил что-нибудь стоящее.

Цинчжу увидел, что Джо Сяньнянь выглядит уставшим, и отправил его отдыхать:

— До вечера еще долго, поспите немного, господин!

— Ладно, не буду тут стоять и светить, как лампочка, — Джо Сяньнянь зевнул и направился в главную спальню во внутреннем дворе.

— Какая еще лампочка? — Цинтун опустил мешочки в котел.

— Ну, это значит быть лишним, мешаться, — Цинчжу подумал, что господин тут только зря стоит, помочь всё равно ничем не может, так что он и правда лишний.

Цинтун посмотрел на макушку Цинчжу и усмехнулся:

— И правда, лишний.

— То-то и оно, — Цинчжу, ничего не заметив, согласно кивнул.

Синьхай, наблюдавший за ними из коридора, скрестив руки на груди, подумал, что он тут тоже лишний, и развернулся, чтобы выйти из двора и передать весточку своим. Он поражался странности этого господина Джо: надо же так любить эти обрезки и субпродукты, которые никто другой не ест! Он-то видел, что на кухне лежало всего около десяти фунтов спинной вырезки, а та семья из четырех человек возилась с коровьими ногами и потрохами. И ведь едят же! Котел на плите размером почти не уступал тем, что были в армейской столовой. Усадьба так себе, ничего особенного, а господин Джо ведь только что получил семьдесят тысяч серебряных — к чему такая скупость в еде? Неужели копит на приданое?

Они и сами ели вещи похуже, но когда есть возможность, кто откажется от хорошей еды? Позже надо будет приказать тем, кто поедет в город, привезти ему и Синьцзы побольше сухого пайка.

Джо Сяньнянь не подозревал, что его обсуждают. Он проспал до самого заката, солнце уже скрылось за горами, и небо потемнело — в горах ночь наступает рано.

Весь двор пропитался ароматом тушеного мяса. Джо Сяньнянь предположил, что крестьяне у подножия горы, должно быть, глотают слюнки так же, как и он. Не дойдя до переднего двора, он уже начал кричать:

— Цинчжу, доставай вино, которое купили! Господин давненько не пил!

Больше двух лет, восемьсот с лишним дней! Джо Сяньнянь был падох на вкусное и сегодня твердо решил пропустить пару чарок.

— Господин Джо!

— М-м? — Джо Сяньнянь, ворвавшись во двор, остолбенел и обернулся. В свете фонарей стоял красавец: глаза как у феникса, губы как лепестки, в парчовых одеждах, холодный и прекрасный, словно луна.

Джо Сяньнянь, чья самоуверенность была толще Великой Китайской стены, почувствовал, как лицо заливают румянец, а сердце готово выпрыгнуть из груди. В этот момент он с предельной серьезностью сказал себе: этот человек принадлежит ему.

Заметив, что дыхание Джо Сяньняня сбилось, а лицо покраснело, Цзинь Юньтин слегка улыбнулся уголками губ. Не зря он здесь стоял.

При виде этой улыбки Джо Сяньнянь почувствовал, как лунный свет опьяняет его, и невольно заулыбался, как дурачок.

— Господин, вы чего? — Цинчжу нес два кувшина с вином, а следом за ним остальные тащили столы и стулья.

— Кхм-кхм, ставьте быстрее, господин, должно быть, проголодался, — дядя Хэ поспешил выручить Джо Сяньняня.

Джо Сяньнянь ничуть не смутился. Цзинь Юньтин его соблазняет, а ему это только в радость. Он потянул дядю Хэ за рукав:

— Почему во дворе?

— Погода хорошая, мы же всегда едим во дворе, когда есть вкусная еда, — обеспокоенно сказал Цинчжу. — Господин, вы что, спросонья ничего не соображаете?

— А, ну да! — а как же гость?

— Ничего страшного, военные люди не придают значения формальностям, поедим во дворе, — Цзинь Юньтин снова стал холодным и отстраненным, его улыбка была лишь мимолетным видением.

Еду и вино расставили быстро. Во дворе накрыли три стола: Джо Сяньнянь сидел вместе с Цзинь Юньтином, Цинчжу, дядя Хэ и семья Тянь — за вторым, а Цинтун с подчиненными Цзинь Юньтина — за третьим.

Джо Сяньнянь посмотрел на свой стол, потом на другие, где количество тарелок было вполне обычным, и подумал: почему из тушеного мяса только одна тарелка с холодными ломтиками говядины? Где же голова?

Блюда были изысканными, в белых фарфоровых тарелках порции были крошечными, каждое — маленькое произведение искусства. Видно было, что Цинтун очень старался, хотел заработать очки.

Цинтун, должно быть, очень спешил. Ведь он — человек, покори́вший желудок Цинчжу, ему не хватало лишь бумажки об освобождении от рабства из рук господина. И то, что Цинчжу съел в обед на полмиски меньше, Цинтун наверняка списал на неумелость тетушки Тянь, совсем забыв, сколько мясных костей Цинчжу сгрыз по дороге.

Вместо того чтобы рвать мясо руками, пить из больших чаш и громко хвастаться, за всеми тремя столами слышался лишь звон посуды. Сделав пару глотков, Джо Сяньнянь не выдержал:

— Слушайте, почему вы все молчите? Пить из крошечных чашечек, потягивая в одиночку, — это же скука смертная!

Цзинь Юньтин отложил палочки и, глядя Джо Сяньняню прямо в глаза, спросил:

— А как бы ты хотел пить?

— Столы сдвинуть, вино налить в чаши, играть в игры, крутить веер, травить байки — нужно же веселиться! — Джо Сяньнянь вздернул подбородок и обратился к Цинтуну: — А ну, выкладывай бычью голову!

Пусть она выглядит не очень аппетитно из-за цвета соуса, зато какая вкусная! Как она могла не попасть на стол? В конце концов, не могли же ее припрятать специально для него одного.

<http://bllate.org/book/19132/1879001>